

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации

Нестик Т.А.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com**

Дейнека О.С.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>, e-mail: osdeyneka@yandex.ru**

Максименко А.А.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>, e-mail: Maximenko.AI@gmail.com**

Цель. Поиск социально-психологических предпосылок веры личности в конспирологические теории происхождения пандемии. Выявление динамики отношения интернет-пользователей к пандемии коронавируса в марте—начале июня 2020 г.

Контекст и актуальность. В рамках изучения психологических механизмов и последствий воздействия пандемии на личность и общество все более актуальными задачами становятся уточнение социально-психологических предпосылок веры в конспирологические теории пандемии COVID-19, а также выявление связи между отношением к пандемии и вовлеченностью личности в использование социальных сетей.

Дизайн исследования. В работе приведены результаты двух онлайн-опросов, выполненных в марте-апреле и в мае-июне 2020 г. для изучения динамики веры россиян в конспирологические теории происхождения вируса COVID-19 с учетом вовлеченности в сетевые коммуникации и половозрастных различий.

Выборка. В первом исследовании приняли участие 668 человек (78,2% — женщины) в возрасте от 17 до 80 лет ($M=30$; $SD=12,7$); во втором опросе участвовали 986 человек (56,9% — мужчины) в возрасте от 18 до 76 лет ($M=36,63$; $SD=10,2$). География опросов охватывала разные регионы России.

Методы. В качестве базового инструмента в обоих исследованиях использовался разработанный Т.А. Нестиком опросник «Отношение к эпидемиологической угрозе». В первом исследовании дополнительно измерялись выраженность консервативных ценностей, социальный цинизм, вера в справедливость мира и доверие к социальным институтам. Во втором исследовании дополнительно измерялась вовлеченность в сетевые коммуникации.

Результаты. В первом исследовании обнаружена связь конспирологических убеждений с верой в справедливый мир, низкой самоофективностью, ориентацией на моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам, низким институциональным доверием и социальным цинизмом. Во втором исследовании было показано, что по сравнению с мартом-апрелем значительно повысились уровень веры пользователей социальных сетей в конспирологические теории происхождения пандемии, выраженность недоверия к системе здравоохранения и скептического отношения к вакцинации; стали меньше как боязнь заражения, так и контролируемость угрозы, но возросли опасения повторения эпидемий. Показано, что вовлеченность в сетевые коммуникации повышает тревогу в отношении последствий коронакризиса, которая в свою очередь усиливает поиск конспирологических объяснений происходящего.

Основные выводы. Низкое социальное доверие и переживание неконтролируемой угрозы усиливают подверженность пользователей социальных сетей вере в конспирологические теории происхождения пандемии.

Ключевые слова: отношение к пандемии, COVID-19, моральные основания, социальные аксиомы, доверие, социальные сети.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00439.

Для цитаты: Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 87–104. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.20201100407>

Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media

Timofey A. Nestik

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com

Olga S. Deyneka

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>, e-mail: osdeyneka@yandex.ru

Aleksandr A. Maksimenko

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>, e-mail: Maximenko.AI@gmail.com

Objective. Search for socio-psychological antecedents for the individual's belief in conspiracy theories of the origin of the pandemic. Revealing the dynamics of Internet users' attitudes to the coronavirus pandemic in March-early June 2020.

Background. As part of the study of the psychological mechanisms of the impact of the pandemic on the individual and society, an increasingly urgent task is to clarify the socio-psychological prerequisites of belief in conspiracy theories of the COVID-19 pandemic, as well as the relationship between attitudes towards the pandemic and the involvement of the individual in the use of social media.

Study design. The paper presents the results of two online surveys conducted in March-April and May-June 2020 to study the dynamics of Russians' belief in conspiracy theories of the origin of the COVID-19, taking into account involvement in social media and gender differences.

Participants. The first study involved 668 people (78.2% women) aged 17 to 80 years ($M=30$; $SD=12.7$); the second survey involved 986 people (56.9% – men) aged 18 to 76 years ($M=36.63$; $SD=10.2$). The survey geography covered various regions of Russia.

Measurements. The basic tool in both studies was developed by T.A. Nestik questionnaire “Attitude towards the epidemiological threat”. The first study additionally measured the social axioms (SAS), moral foundations (MFQ), belief in the justice of the world and trust in social institutions. The second study additionally measured involvement in social media communications.

Results. The 1st study found a connection between conspiracy beliefs and belief in a just world, low self-efficacy, moral foundations of ingroup/loyalty and authority/respect, low institutional trust, and social cynicism. In the 2nd study, it was shown that, compared to March-April, the level of belief of social media users in conspiracy theories of the origin of the pandemic, the severity of distrust in the health care system and skepticism about vaccinations significantly increased; both the fear of infection and the controllability of the threat have become less, but fears of a recurrence of epidemics have increased. It is shown that involvement in social media increases anxiety about the consequences of the coronavirus crisis, which in turn intensifies the search for conspiracy explanations of pandemic.

Conclusions. Low social trust and the experience of an uncontrollable threat increase the susceptibility of social media users to belief in conspiracy theories of the origin of the pandemic.

Keywords: attitudes towards the pandemic, COVID-19, moral foundations, social axioms, trust, social media.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 18-18-00439.

For citation: Nestik T.A., Deyneka O.S., Maksimenko A.A. Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 87–104. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.20201100407> (In Russ.).

Введение

Проблема психологического воздействия пандемии на личность и общество, в том числе последствий переживания угрозы заражения и вынужденного изменения образа жизни во время карантина, находит отражение в работах зарубежных и отечественных исследователей.

Поскольку новая коронавирусная инфекция «дебютировала» в Китае и странах Европы, зарубежные исследователи имели возможность накопить некоторый опыт изучения как симптоматики COVID-19, так и психологического состояния общества и информационного фона течения пандемии [5]. Одним из непосредственных эффектов переживания эпидемиологической угрозы, зафиксиро-

ванных еще на первом этапе развития пандемии в Китае, стал рост симптомов посттравматического стресса, депрессии и тревожных расстройств [3; 20]. Национальные репрезентативные исследования, проведенные в различных странах, указывают на широкую распространенность дистресса в период пандемии COVID-19. Например, в Китае его симптомы к маю 2020 г. отмечались у 35% населения, в США – у 45%, а в Иране – у 60% [31].

Результаты эмпирических исследований состояния российского общества и его адаптации к пандемии, вызванной COVID-19, в научной и публицистической литературе освещаются с марта 2020 г. Уже в первый месяц самоизоляции был отмечен рост подавленности, тревоги, страха, паники, ухудшение сна, а также

снижение количества тех, кто использует рационализацию или отрицание как защитные механизмы, при этом исследователи отмечали обращение россиян к религии, падение уровня конструктивного мышления и эмоционального совладания. Статистически значимо выросли показатели, свидетельствующие о повышении эзотерического мышления, наивного оптимизма и, на уровне статистической тенденции, категоричности мышления [6]. Психологическими эффектами, спровоцированными эпидемической ситуацией у россиян, явились страх, апатия, ступор [18]. Причем попытки справиться с тревогой по поводу негативных последствий пандемии за счет мысленного ухода от проблемы, использования «успокоительных», отрицания связаны с более низким уровнем удовлетворенности жизнью, а отказ от чтения новостей о пандемии может усугублять ее негативные психологические последствия [13; 15]. Ряд исследователей, опираясь на проведенные среди психологов экспертные опросы, справедливо подчеркивают наличие противоречий интересов разных групп населения, порождение негативных тенденций в отношениях между ними [11; 16]. В частности, анализ социально-психологических механизмов влияния пандемии на личность и общество позволяет выделить разнонаправленные тенденции: с одной стороны, солидаризацию общества перед общей угрозой, а с другой — рост веры в опасный мир и авторитарных установок, снижение социального доверия, стигматизацию и обострение межгрупповой напряженности [11]. В социальных сетях эти эффекты наблюдались и в типах реакций интернет-пользователей при обсуждении разразившегося кризиса [19], и на уровне сетевых сообществ в целом [10].

Репрезентативные опросы россиян, проводившиеся отечественными социоло-

гическими агентствами, зафиксировали всплеск страхов заражения коронавирусом в конце марта—начале апреля 2020 г., который постепенно стал уступать место тревоге по поводу экономических последствий карантина [8; 14]. Так, по данным ВЦИОМ, с марта по июль 2020 г. число опасяющихся заразиться коронавирусом снизилось на 20% [17]. Помимо динамики страхов, были отмечены существенные региональные различия в их уровне [7].

Распространение пандемии в России и за рубежом сопровождалось всплеском конспирологических теорий [1; 24]. Исследователями была обнаружена связь между обращением интернет-пользователей к социальным сетям в качестве источника информации и уровнем их подверженности вере в конспирологические теории, а также переживаемого стресса [21; 23; 24]. Во время эпидемий социальные сети преимущественно используются для аффективного совладания с ситуацией через выражение тревоги и гнева, а также для взаимной поддержки. При этом отмечается недостаточное использование властями этого канала для коммуникации с гражданами во время пандемии [9]. Напротив, уровень доверия к властям, ученым и официальным СМИ был одним из факторов, поддерживающих жизнеспособность личности в условиях пандемии и готовность соблюдать правила предосторожности, рекомендуемые врачами [11].

Распространение конспирологических теорий происхождения COVID-19, их негативное влияние не только на субъективное благополучие личности, но и на санитарно-эпидемиологическую обстановку делает актуальной задачу прояснения психологических предпосылок конспирологических убеждений. Среди личностных характеристик интер-

нет-пользователей, связанных с верой в конспирологические теории пандемии, можно выделить тревожность, избегание неопределенности, импульсивность, религиозность, авторитаризм правого толка, веру в интуицию и низкую рефлексивность [22], ориентацию на социальное доминирование и консервативные политические установки [27], национальный нарциссизм [26]. Эти же или близкие к ним по смыслу личностные характеристики являются предпосылками общей конспирологической ориентации личности, хотя вопрос о ее личностных детерминантах остается открытым [25].

Целью двух проведенных нами исследований стало прояснение социально-психологических предпосылок веры в конспирологические теории пандемии COVID-19, а также связи между отношением к пандемии и вовлеченностью личности в использование социальных сетей.

Исследование № 1: Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения пандемии

В задачи первого исследования входило изучение социально-психологических предпосылок веры личности в конспирологические теории происхождения пандемии. Мы предположили, что убеждение в искусственном происхождении COVID-19 связано с социальным цинизмом в представлениях об обществе, ориентацией на консервативные ценности, а также с верой в справедливость мира.

Метод

Схема проведения исследования.

Данные собирались через онлайн-опрос с помощью сервиса SurveyMonkey с

18 марта по 20 апреля. Респонденты рекрутировались путем размещения ссылки на исследование в социальных сетях Facebook и ВКонтакте и не получали вознаграждения. Для повышения достоверности результатов было выставлено ограничение с целью отсеивания анкет, которые заполнялись слишком быстро (менее 40 минут) и, таким образом, могли быть некачественными.

Выборка. В исследовании приняли участие 668 человек (78,2% — женщины) в возрасте от 17 до 80 лет ($M=30$; $SD=12,7$), география опроса охватывала разные регионы России.

Методы исследования. Для измерения конспирологической ориентации, а также других характеристик отношения к пандемии использовался разработанный Т.А. Нестиком опросник «Отношение к эпидемиологической угрозе». В ходе апробации методики из первоначальных 80 утверждений было оставлено 38, степень согласия с которыми респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале. Апробация опросника на выборке $N=1462$ показала хорошую согласованность 10 шкал, состав которых подтвержден конфирматорным факторным анализом ($X^2=1576,712$; $df=536$; $CMIN/DF=2,942$; $p<,001$; $RMR=,070$; $CFI=,953$; $RMSEA=,036$; $Ni\ 90=,039$; $PCLOSE=1$). В число измеряемых нами аффективных компонентов отношения личности к пандемии вошли тревога по поводу пандемии (4 утверждения, альфа Кронбаха= $0,801$; $M=3,13$; $SD=0,948$; пример утверждений: «Когда я задумываюсь о последствиях эпидемии COVID-19, мне становится страшно») и социальный оптимизм в отношении исхода пандемии (4 утверждения, альфа Кронбаха= $0,837$; $M=3,50$; $SD=1,018$; пример: «Руководство нашей страны предпринимает достаточные усилия для сдерживания пандемии»). В чис-

ло когнитивных компонентов вошли самооэффективность (4 утверждения, альфа Кронбаха=0,779; $M=3,44$; $SD=0,912$; пример: «Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома — если суждено заболеть, то этого не избежать»), вера в конспирологические теории пандемии (3 утверждения, альфа Кронбаха=0,831; $M=2,86$; $SD=1,113$; примеры: «Вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно»; «Причиной пандемии являются чьи-то экономические или политические интересы»; «Шумиха в СМИ по поводу COVID-19 используется для отвлечения внимания общества от более важных проблем»); вера в эффективность вакцинации (3 утверждения, альфа Кронбаха=0,776; $M=3,33$; $SD=1,025$; пример: «Прививка — надежное средство против инфекционных заболеваний»); дескриптивные нормы, то есть вера в готовность окружающих соблюдать правила предосторожности (3 утверждения, альфа Кронбаха=0,652; $M=2,44$; $SD=1,57$; пример: «В случае эпидемии большинство людей не станут сообщать о том, что они заболели, чтобы не оказаться на карантине»); поддержка жестких мер сдерживания (4 утверждения, альфа Кронбаха=0,752; $M=2,65$; $SD=0,965$; пример: «Только железная дисциплина может спасти общество от серьезной эпидемии»). Из поведенческих компонентов измерялось физическое дистанцирование и мизофобия (4 пункта, альфа Кронбаха=0,837; $M=3,50$; $SD=1,018$; пример: «Я боюсь пользоваться общественным транспортом, так как там легко заразиться»), интерес к новостям о пандемии (3 пункта, альфа Кронбаха=0,761; $M=3,30$; $SD=0,976$; пример: «Я стараюсь быть в курсе новостей о развитии эпидемии»), ориентация на помощь другим во время эпидемии (5 пунктов, альфа Кронбаха=0,739; $M=3,31$;

$SD=0,790$; пример: «Я готов предложить помощь пожилым людям, заболевшим во время эпидемии»).

Для измерения выраженности консервативных ценностей использовался «Опросник моральных оснований» (the Moral Foundations Questionnaire, MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О.А. Сычева. Для измерения социального цинизма использовался опросник «Социальные аксиомы» (the Social Axioms Survey, SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой. Для измерения веры в справедливость мира применялась шкала «Вера в справедливый мир» К. Далберта в адаптации С.К. Бочавер, М.Б. Подлипняк и А.Ю. Хохловой. Кроме того, для измерения доверия к социальным институтам респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале свое доверие правительству, СМИ, российским медработникам и Всемирной организации здравоохранения (альфа Кронбаха=0,720). Также в анкету был включен ряд других показателей, не относящихся к данному исследованию.

Результаты первого исследования

Как показали результаты линейного регрессионного анализа ($N=668$; $R=0,542$; $R^2=0,294$; $F=28,274$; $p<0,001$), предикторами веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 оказались низкое доверие к социальным институтам ($\beta=-0,268$) и социальный цинизм ($\beta=0,163$), низкая самооэффективность ($\beta=-0,192$), низкий интерес к официальным новостям о пандемии ($\beta=-0,163$), вера в справедливый мир ($\beta=0,148$), а также ориентация на консервативные моральные основания лояльности к своей группе ($\beta=0,159$) и уважение к авторитетам ($\beta=0,133$). Таково сочетание характеристик, которые можно назвать «синдро-

мом конспиролога» в условиях пандемии COVID-19 (см. табл. 1).

В ходе корреляционного анализа была обнаружена негативная связь веры в конспирологические теории с тревогой по поводу пандемии ($r=-0,131$, $p=0,001$) и верой в эффективность вакцинации ($r=-0,200$, $p<0,001$).

Обсуждение результатов первого исследования

Обнаруженная нами связь конспирологических убеждений с низкой самооэффективностью и верой в справедливый мир, по-видимому, указывает на одну из важнейших психологических функций конспирологии — защиту непротиворечивой, логичной картины мира в условиях высокой неопределенности. Как неоднократно уже отмечалось, в ситуации неконтролируемой опасности люди склонны искать могущественного врага, которому можно приписать причины происходящего, повышая тем самым свою самооценку и воспринимаемый уровень контроля над ситуацией [30].

По-видимому, веру в искусственное происхождение COVID-19 можно рассматривать как компенсаторный механизм, восстанавливающий чувство контроля и безопасности в условиях глобального кризиса. Учитывая, что большинство участников исследования являлись пользователями социальных сетей, низкий интерес к новостям о пандемии в СМИ и склонность недооценивать ее опасность могут объясняться эффектом подтверждения первоначального мнения и стремлением к самонепротиворечивости, когда человек избегает официальных новостей о коронавирусе, но при этом оказывается в «эхо-камере», информационном пузыре из источников информации, которые соответствуют уже выбранной позиции по отношению к происходящему. Одним из механизмов формирования таких «эхо-камер» может быть переживание личной или групповой угрозы, усиливающее приписывание негативных намерений «друзьям» в социальных сетях, размещающим информацию, которая противоречит взглядам пользователя [2].

Таблица 1
Социально-психологические предикторы веры в конспирологические теории пандемии (N=668)

Предикторы	B	S.E.	β	t	p
(Константа)	3,22	0,371		8,675	***
Общая вера в справедливый мир	0,149	0,048	0,148	3,129	0,002
Доверие к социальным институтам	-0,336	0,055	-0,268	-6,133	***
Самоэффективность: вера в способность защитить от COVID-19 себя и близких, оказать влияние на ход эпидемии и ее последствия	-0,324	0,07	-0,192	-4,64	***
Интерес к новостям о пандемии	-0,182	0,045	-0,163	-4,001	***
Социальный цинизм (SAS)	0,23	0,059	0,163	3,907	***
Лояльность к своей группе (MFQ)	0,044	0,014	0,159	3,024	0,003
Уважение к авторитетам (MFQ)	0,036	0,015	0,133	2,392	0,017

Примечание. *** — $p<0,001$.

В обнаруженном нами «синдроме конспиролога» эти черты сочетаются с ориентацией на консервативные ценности (моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам), низким институциональным доверием и социальным цинизмом, то есть с убеждением в несправедливом устройстве общества. Полученные нами данные хорошо согласуются с другими исследованиями, где была обнаружена связь конспирологических убеждений с переживанием рисков как угрозы моральным устоям и сплоченности группы [11; 26], а также чувством социальной несправедливости [32].

Исследование № 2: Динамика установок россиян в отношении пандемии в период снижения остроты эпидемиологической ситуации

Целью второго нашего исследования было выявление динамики отношения интернет-пользователей к пандемии коронавируса во время снятия карантинных мер и снижения остроты эпидемиологической ситуации в России в конце мая—начале июня 2020 г. Основная гипотеза исследования состояла в том, что на фоне спада пандемии, вызванной COVID-19, снизится уровень панических настроений, поиска врага, недоверия власти и согражданам. Кроме того, было выдвинуто предположение, что у более вовлеченных в общение посредством социальных сетей панические настроения и недоверие руководству страны проявляются в большей степени.

Метод

Схема проведения исследования.

Данные собирались через сервис Toloka.Yandex.ru в течение двух недель (с

31 мая по 10 июня 2020 года с наибольшим количеством ответов 02 и 09 июня 2020 года). Для повышения достоверности результатов было выставлено ограничение с целью отсеивания анкет, которые заполнялись слишком быстро (менее 40 минут) и, таким образом, могли быть некачественными.

Выборка. В исследовании приняли участие 986 человек (56,9% мужчин, 43,1% женщин) в возрасте от 18 до 76 лет ($M=36,63$; $SD=10,2$). География опроса охватывала разные регионы России и включала жителей Москвы — 9,8%, городов-миллионников (за исключением Москвы) — 34,5%, областных центров (с населением менее 1 млн чел.) — 27,2% и районных центров — 25,2%.

Методы исследования. В качестве основного инструмента исследования использовалась сокращенная версия анкеты, разработанной Т.А. Нестиком для измерения отношения к пандемии и оценки доверия к представителям различных социальных групп (см. исследование № 1). Использованный вариант включал 34 утверждения с пятибалльной шкалой ответов Лайкерта. При этом за счет добавления к шкале самоэффективности утверждений, отражающих скептическое отношение к угрозе коронавируса, была сформирована новая шкала ковид-диссидентства (4 утверждения, альфа Кронбаха=0,731; $M=2,85$; $SD=0,940$; примеры утверждений: «Опасность эпидемий, подобных COVID-19, явно преувеличена»; «Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома — если суждено заболеть, то этого не избежать»).

Для измерения интенсивности использования социальных сетей применялся опросник О.С. Дейнека «Вовлеченность в сетевые коммуникации», состоящий из 10 утверждений, с которыми требовалось выразить степень согла-

сия/несогласия по пятибалльной шкале (например, «Я предпочитаю использовать социальные сети, а не смотреть телевизор», «Я слежу за действиями, мгновенными событиями, популярными видео и трендами в социальных сетях»). Надежность опросника подтверждена коэффициентом альфа Кронбаха=0,864. Также опрос предполагал заполнение демографической справки.

Обработка данных включала анализ значимых различий по непараметрическому критерию Манна-Уитни с применением перевзвешивания для учета разного половозрастного состава выборок, корреляционный анализ по критерию Спирмена с помощью статистического пакета SPSS 20.0, а также структурное моделирование в программе Amos v.22.

Результаты второго исследования

Отношение к пандемии (описательные статистики). Как показывает анализ значимых различий по критерию Манна-Уитни (см. табл. 2), по сравнению с мартом-апрелем 2020 г., в первой декаде июня 2020 г. отмечается рост уровня конспирологической ориентации: значимо выше оказалась вера в искусственное происхождение вируса, а также представление о том, что пандемия — результат чьей-то ошибки ($p < 0,001$). Кроме того, снизилась поддержка жестких мер для пресечения распространения ложных сообщений, выявления заболевших и соблюдения карантина ($p < 0,001$). Выросло скептическое отношение к вакцинации, убеждение в том, что прививки часто вызывают побочные эффекты ($p < 0,001$; $M=3,16$, $SD=1,21$). С одной стороны, отмечается снижение мизофобии, боязни заражения в публичных местах и оценки опасности COVID-19, с другой — укрепляется убеждение в том, что в ближайшие 20 лет эпидемии, подобные

COVID-19, будут повторяться ($p < 0,001$; $M=3,63$, $SD=0,92$).

Интернет-пользователи, опрошенные нами на исходе объявленных в России нерабочих дней и режима ограничения передвижения, еще больше уверены в том, что большинство россиян не доверяют официальной информации о количестве зараженных ($p=0,045$; $M=3,68$, $SD=1,03$).

На фоне самоизоляции снизились оценка усилий руководства страны по сдерживанию пандемии и вера в то, что ученые смогут создать необходимое для лечения новой болезни лекарство ($p < 0,001$), укрепилась вера в то, что надеяться надо на себя и своих близких ($p=0,004$).

Результаты анализа значимых различий по критерию Манна—Уитни показали, что чем старше были респонденты, тем больше среди них было сторонников конспирологических и фаталистических теорий происхождения пандемии («вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно с какой-то целью» ($p < 0,001$), «эпидемии — это кара Господня» ($p < 0,001$), «с помощью эпидемий богатые регулируют численность бедных» ($p < 0,01$)). Соответственно, меньше оказалось тех, кто полагал, что пандемия вызвана случайностью или естественным процессом мутаций ($p < 0,01$).

Анализ данных показал также, что женщины значимо больше верят в теории заговора и чаще соглашались с тем, что «вирусы создаются искусственно с какой-либо целью» ($p < 0,05$), а также что «вспышка эпидемии — это результат чьей-либо ошибки» ($p < 0,05$). Среди мужчин оказалось больше скептиков, которые согласны с тем, что «во время эпидемий информация о количестве зараженных будет намеренно искажаться, чтобы не сеять панику» ($p < 0,05$) и что

**Сравнение результатов опроса россиян в марте-апреле и июне 2020 г.
(приведены только высокосignимые различия)**

№	Утверждения	март (N=668)		июнь (N=978)		P
		M	σ	M	σ	
1	Вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно с какой-то целью.	2,65	1,10	2,88	1,27	0,001
4	С помощью эпидемий богатые регулируют численность бедных.	2,10	1,00	2,28	1,23	0,001
2	Вспышка эпидемии — это, как правило, результат чьей-то ошибки.	2,90	1,1	3,24	1,16	0,000
19	Опасность эпидемий, подобных COVID-19, явно преувеличена.	2,81	1,1	3,03	1,22	0,001
29	Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома — если суждено заболеть, то этого не избежать.	2,10	1,02	2,40	1,32	0,002
21	Эпидемии представляют опасность только для людей с ослабленным здоровьем.	2,61	1,05	2,79	1,25	0,001
28	Прививки от гриппа могут нанести больше вреда, чем пользы.	2,62	1,10	2,79	1,27	0,001
27	Прививки часто вызывают побочные эффекты.	2,93	1,01	3,16	1,21	0,001
25	Руководство нашей страны предпринимает достаточные усилия для сдерживания пандемии.	3,06	1,13	2,79	1,28	0,001
26	В случае глобальной эпидемии врачи смогут создать необходимое лекарство.	3,55	0,90	3,34	1,03	0,001
30	Если я заболею в ходе эпидемии, то смогу надеяться только на себя и своих близких.	3,20	1,10	3,33	1,30	0,004
12	Большинство россиян не станут верить официальной информации о числе заболевших и умерших во время эпидемии.	3,60	1,10	3,68	1,03	0,045
33	Я опасуюсь приходить на прием в поликлинику, чтобы не заразиться.	3,43	1,25	3,25	1,35	0,002
32	Я боюсь пользоваться общественным транспортом, так как там легко заразиться.	3,33	1,21	3,11	1,35	0,003
3	Эпидемии — это кара Господня.	1,82	1,00	1,68	1,02	0,049
18	В ближайшие 20 лет эпидемии, подобные COVID-19, будут повторяться.	3,40	0,90	3,63	0,92	0,001
13	За нарушение карантина нужно наказывать тюремными сроками.	2,42	1,1	2,08	1,19	0,000
15	Нужно раскрывать информацию об истории передвижений и контактах заболевших, даже если это нарушает их право на неприкосновенность частной жизни.	3,20	1,21	2,87	1,36	0,000
16	Чтобы не допустить паники, нужно пресекать распространение новостей, отличающихся от официальной информации и рекомендаций ВОЗ.	3,45	1,2	3,06	1,33	0,000

«шумиха в СМИ по поводу COVID-19 используется для отвлечения внимания общества от более важных проблем» ($p < 0,05$). Мужчины чаще соглашались с тем, что «фармацевтические компании специально задерживают выпуск некоторых лекарств, чтобы в дальнейшем они стоили дороже» ($p < 0,05$).

Фактор вовлеченности в сетевое общение и отношение к пандемии. Вопреки ожиданиям, нами не было обнаружено прямой связи между вовлеченностью в социальные сети и конспирологическими убеждениями. Вместе с тем результаты структурного моделирования ($X^2=2,372$; $df=2$; $CMIN/DF=1,186$; $p=,305$; $RMR=,010$; $CFI=,999$; $GFI=,999$; $RMSEA=,014$; $Ni 90=,067$; $PCLOSE=,831$) позволили подтвердить пригодность путевой модели, в которой вовлеченность в социальные сети повышает институциональное доверие, но при этом усиливает тревогу по поводу пандемии. В свою очередь, тревога повы-

шает веру в конспирологические теории. Доверие к социальным институтам, напротив, снижает как конспирологическую ориентацию, так и установки, характерные для ковид-диссидентства (см. табл. 3).

Результаты корреляционного анализа показывают, что среди тех, кто предпочитает социальные сети официальной информации (телевидение, радио, печать), статистически значимо больше респондентов, характеризующихся низким социальным и институциональным доверием. У них больше выражено негативное отношение к руководству страны, и они не считают достаточными усилия, которые предпринимаются властью для сдерживания пандемии ($r=-0,230$, $p < 0,001$), не верят в возможности отечественной медицины ($r=-0,200$, $p < 0,001$), а также не надеются на себя и своих близких в ситуации заболевания ($r=-0,190$, $p < 0,001$). Кроме того, среди них больше тех, кто не только не доверяет официальной ин-

Таблица 3

Связь вовлеченности в сетевое общение с институциональным доверием и отношением к пандемии (регрессионные веса путевой модели, полученной в результате структурного моделирования, N=986)

Зависимые переменные		Предикторы	B	S.E.	C.R.	β	P
Институциональное доверие	<---	Вовлеченность в сетевое общение	0,092	0,033	2,808	0,089	0,005
Ковид-диссидентство	<---	Институциональное доверие	-0,349	0,035	-10,094	-0,307	***
Тревога по поводу пандемии	<---	Вовлеченность в сетевое общение	0,213	0,041	5,243	0,158	***
	<---	Институциональное доверие	0,237	0,042	5,669	0,180	***
	<---	Ковид-диссидентство	-0,217	0,037	-5,92	-0,187	***
Вера в конспирологические теории COVID-19	<---	Институциональное доверие	-0,161	0,031	-5,241	-0,158	***
	<---	Ковид-диссидентство	0,367	0,027	13,599	0,410	***
	<---	Тревога по поводу пандемии	0,191	0,023	8,334	0,247	***

Условные обозначения. B – коэффициент регрессии; β – стандартизированный коэффициент регрессии; S.E. – стандартная ошибка среднего; CR – критическое отношение B/SE; P – статистическая значимость; *** – $P < 0,001$.

формации об эпидемической ситуации ($r=0,140$, $p<0,001$), но также не доверяет согражданам, приписывая им возможные факты сокрытия информации о болезни из-за боязни оказаться на карантине ($r=0,130$, $p<0,001$), и проецируют свое недоверие официальной статистике по заболеваемости на большинство россиян ($r=0,180$, $p<0,001$).

Обсуждение результатов второго исследования

Наблюдаемый нами в марте-июне 2020 г. рост конспирологических убеждений сопровождался снижением доверия к окружающим и социальным институтам, что подтверждается и репрезентативными социологическими опросами [8]. Противоречивая информация о коронавирусе в СМИ, кажущиеся непоследовательными решения федеральных и региональных властей — все это повышало уровень неопределенности, подталкивая к поиску простых объяснений происходящего. В связи с этим работа по поддержанию доверия населения социальным институтам в период коронакризиса должна опираться как на конкретные действия по контролю ситуации (например, [4]), так и на психологически грамотную политическую коммуникацию [9].

Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами других исследований, в которых было отмечено снижение критического мышления, обращение к эзотерике и религии в период самоизоляции [5]. Результаты структурного моделирования указывают на то, что в этих процессах важную роль играет тревога по поводу пандемии. Известно, что приверженность конспирологическим теориям растет в условиях тревоги, дистресса и чувства уязвимости [29]. Именно в мае-июне 2020 г. страх заражения стал уступать место тревоге

по поводу экономических последствий пандемии. Связь конспирологических убеждений с неверием в возможность защитить себя от заражения, выявленная нами в первом исследовании, подтвердилась: недооценка угрозы заражения и признание невозможности его контролировать, характерные для ковид-диссидентства, оказались тесно связанными с конспирологической ориентацией.

Важным результатом исследования является вывод о том, что вовлеченность в сетевые коммуникации сама по себе не усиливает веру в конспирологические теории COVID-19, но повышает тревогу, для совладания с которой при низком доверии к социальным институтам используется поиск врага и объяснительные схемы, продиктованные социальным цинизмом. У нас не было возможности соотнести ответы респондентов с кругом групп и блогеров, на которых они подписаны в социальных сетях, но можно предположить, что низкий уровень социального доверия является одним из ключевых факторов замыкания интернет-пользователей в «информационных пузырях», усиливающих конспирологические убеждения.

Выводы

Нами обнаружена связь конспирологических убеждений с верой в справедливый мир, низкой самоэффективностью, ориентацией на моральные основания лояльности к своей группе и уважение к авторитетам, низким институциональным доверием и социальным цинизмом. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что веру в искусственное происхождение COVID-19 можно рассматривать как компенсаторный механизм, восстанавливающий чув-

ство контроля и безопасности в условиях пандемии.

По сравнению с мартом-апрелем 2020 г., в мае-июне 2020 г. значительно повысился уровень веры пользователей социальных сетей в конспирологические теории происхождения пандемии, выраженность недоверия к системе здравоохранения и скептического отношения к вакцинации; снизилась боязнь заражения, но возросли опасения повторения эпидемий.

Показано, что вовлеченность в сетевые коммуникации повышает тревогу в отношении последствий коронакризиса, которая, в свою очередь, усиливает поиск конспирологических объяснений происходящего. Среди тех, кто предпочитает получать информацию из социальных сетей, а не из источников официальной информации (телевидение, радио), оказался ниже уровень доверия правительству, отечественной медицине и согражданам, а также ниже уверенность в возможности справиться с кризисом собственными силами.

Фактор возраста проявился более высокой тревогой и страхом заболеть, а также большей подверженностью вере в конспирологические теории у респондентов более старшего возраста. Фактор пола

оказался слабее, но все же проявился в более выраженных страхах и осторожности в условиях пандемии у женщин и более выраженном недоверии институтам политики и экономики у мужчин.

В заключение хотелось бы обратить внимание на некоторые перспективные направления исследований социально-психологических механизмов формирования конспирологических установок во время пандемии и других глобальных кризисов. Во-первых, заслуживает более пристального внимания задача разграничения психологических функций мифов, призванных объяснить происхождение и распространение угрозы, и собственно конспирологических теорий, которые связывают ее с тем или иным врагом [1]. Во-вторых, чрезвычайно перспективным представляется выявление предпосылок конспирологических убеждений в отношении разных глобальных рисков: пандемии, изменения климата, финансовых кризисов, терроризма, техногенных катастроф. Наконец, все более важное практическое значение приобретает выявление закономерностей динамики приверженности конспирологическим теориям на разных стадиях пандемии, в том числе при переходе к вакцинированию населения.

Литература

1. *Архипова А., Буркова В., Година Е., Лебедева Л., Михель Д., Паутова Л., Садыков Р., Христофорова О.* Страхи и мифология пандемии: как меняются обыденные представления и практики людей [Электронный ресурс] // КоронаФОМ. 07.07.2020. URL: <https://covid19.fom.ru/post/strahi-i-mifologiya-pandemii-kak-oni-menyayut-obydennye-predstavleniya-i-praktiki-lyudej> (дата обращения: 09.07.2020).
2. *Белинская Е.П., Агадуллина Е.Р.* Переживание относительной депривации как фактор копинг-стратегии избегания в сетевой коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 92–106. DOI:10.17759/sps.2020110106.
3. *Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б.* Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2 (18). С. 115–153.
4. *Дейнека О.С., Забелина Е.В., Виноградов Ю.В.* Отношение россиян к денежно-кредитной политике до кризиса COVID-19 и на его фоне // Институт психологии Российской

- академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2(18). С. 189–220. DOI:10.38098/irpan.sep.2020.18.2.006
5. *Дейнека О.С., Максименко А.А.* Оценка психологического состояния общества в условиях инфодемии посредством анализа социальных сетей: обзор зарубежных публикаций // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 2. С. 28–39.
 6. *Епиколопов С.Н., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю., Медведева Т.И., Бойко О.М.* Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 2. С. 108–126.
 7. Индекс страха: меньше всего COVID-19 боятся в Петербурге, на Кавказе и в Сибири [Электронный ресурс] // Росгосстрах Жизнь. 27 апреля 2020 г. URL: <https://rgsl.ru/news/indeks-strakha-menshe-vsego-covid-19-boyatsya-v-peterburge-na-kavkaze-i-v-sibiri/> (дата обращения: 20.06.2020).
 8. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Сводка#12. 26.05.2020. М.: ЦСП «Платформа», 2020. URL: <https://pltf.ru/2020/05/26/omi-i-platforma-sociologija-krizisa-3/> (дата обращения: 27.05.2020).
 9. *Кубрак Т.А., Латынов В.В.* Возможности и ограничения информационно-психологического воздействия в ситуации пандемии коронавируса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2 (18). С. 84–114. DOI:10.38098/irpan.sep.2020.18.2.003
 10. *Ковалева Ю.В., Журавлев А.Л.* Общественное настроение и субъектность сетевого сообщества в период пандемии COVID-19: на примере социальной сети Твиттер // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2 (18). С. 154–188. DOI:10.38098/irpan.sep.2020.18.2.005
 11. *Нестик Т.А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2 (18). С. 47–82. DOI:10.38098/irpan.sep.2020.18.2.002
 12. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
 13. *Расказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205
 14. Социология пандемии [Электронный ресурс] // Проект CoronaФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru> (дата обращения: 18.05.2020).
 15. *Тхостов А.Ш., Расказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. DOI:10.17759/cpp.2020280204
 16. *Ушаков Д.В., Юревич А.В., Юревич М.А.* Социально-психологический контекст распространения коронавирусной инфекции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2 (18). С. 115–153.
 17. *Федоров В.* Общественные настроения в России в ситуации коронакризиса [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-06-16_Lenskii_klub.pdf (дата обращения: 20.06.2020).
 18. *Федосенко Е.В.* Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. № 1. С. 34–47.
 19. *Черкашина А.* Окопинг-стратегиях в времена COVID-19. 28 мая 2020 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.facebook.com/anastasia.cherkashina.1/posts/2984238751630133?_cft__\[0\]=AZU5mT_4EcG8lnc6yDnei_lh2xosUMANMkLdNHOJz0qNDfvyLHvPP6IzEqHT_y70jF4ajkdaUORRmmjGsZNH2vbBAsCo5AQLKv9J_dGJ1X--LqjwBoHUiWKCx3F0HKGgllg&__tn__=%2C0%2CP-R](https://www.facebook.com/anastasia.cherkashina.1/posts/2984238751630133?_cft__[0]=AZU5mT_4EcG8lnc6yDnei_lh2xosUMANMkLdNHOJz0qNDfvyLHvPP6IzEqHT_y70jF4ajkdaUORRmmjGsZNH2vbBAsCo5AQLKv9J_dGJ1X--LqjwBoHUiWKCx3F0HKGgllg&__tn__=%2C0%2CP-R) (дата обращения: 15.05.2020).

20. Ahmed M.Z., Ahmed O., Aibao Zh., Hanbin S., Siyu L., Ahmad A. Epidemic of COVID-19 in China and associated Psychological Problems // Asian Journal of Psychiatry. June 2020. Vol. 51. 102092.
21. Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. Health-protective behaviour, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency // Psychological Medicine. 2020. P. 1–7. DOI:10.1017/S003329172000224X
22. Alper S., Bayrak F., Yilmaz O. Psychological correlates of COVID-19 conspiracy beliefs and preventive measures: Evidence from Turkey // Current psychology. 2020. P. 1–10. Advance online publication. DOI:10.1007/s12144-020-00903-0
23. Barua Z., Barua S., Aktar S., Kabir N., Li M. Effects of misinformation on COVID-19 individual responses and recommendations for resilience of disastrous consequences of misinformation // Progress in Disaster Science. 2020. DOI:10.1016/j.pdisas.2020.100119
24. Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Preet R. Wilder-Smith A., Larson H. The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak // Journal of Travel Medicine. March 2020. DOI:10.1093/jtm/taaa031/5775501
25. Goreis A., Voracek M. A Systematic Review and Meta-Analysis of Psychological Research on Conspiracy Beliefs: Field Characteristics, Measurement Instruments, and Associations With Personality Traits // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00205
26. Leone L., Giacomantonio M., Lauriola M. Moral foundations, worldviews, moral absolutism and belief in conspiracy theories // International journal of psychology. 2019. Vol. 54 (2). P. 197–204. DOI:10.1002/ijop.12459.
27. Lobato E.J., Powell M., Padilla L.M., Holbrook C. Factors Predicting Willingness to Share COVID-19 Misinformation // Frontiers in Psychology. 2020. DOI:10.3389/fpsyg.2020.566108
28. Sternisko A., Cichocka A., Cislak A., Van Bavel J.J. Collective narcissism predicts the belief and dissemination of conspiracy theories during the COVID-19 pandemic. PREPRINT. 2020. DOI:10.31234/osf.io/4c6av
29. Šrolj., Mikušková E.B., Cavojava V. When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic. PREPRINT. 2020. DOI:10.31234/osf.io/f9e6p
30. Sullivan D., Landau M.J., Rothschild Z.K. An existential function of enemyship: evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. Vol. 98 (3). P. 434–449. DOI:10.1037/a0017457
31. UN Policy Brief: COVID-19 and the need for action on mental health. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-05/UN-Policy-Brief-COVID-19-and-mental-health.pdf> (дата обращения: 25.07.2020).
32. van Prooijen J.W. Suspicions of Injustice: The Sense-Making Function of Belief in Conspiracy Theories // Justice and Conflicts / In Kals E., Maes J. (eds.). Berlin, Heidelberg: Springer, 2011. P. 121–132. DOI:10.1007/978-3-642-19035-3_7

References

1. Arhipova A., Burkova V., Godina E., Lebedeva L., Mihel' D., Pautova L., Sadykov R., Hristoforova O. Strahi i mifologiya pandemii: kak menyayutsya obydenne predstavleniya i praktiki lyudej [Elektronnyi resurs] [Pandemic fears and mythology: how everyday ideas and practices of people are changing]. *KoronaFOM = CrownFORM*. 07.07.2020. URL: <https://covid19.fom.ru/post/strahi-i-mifologiya-pandemii-kak-oni-menyayut-obydenne-predstavleniya-i-praktiki-lyudej> (Accessed 09.07.2020). (In Russ.).
2. Belinskaya E.P., Agadullina E.R. Perezhivanie odnositel'noi deprivatsii kak faktor koping-strategii izbeganiya v setevoi kommunikatsii [Relative deprivation and an avoidance coping in network communication]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 92–106. DOI:10.17759/sps.2020110106 (In Russ.).

3. Bykhovets Yu.V., Kogan-Lerner L.B. Pandemiya COVID-19 kak mnogofaktornaya psikhotravmiruyushchaya situatsiya [Pandemic covid-19 as a multifactorialtraumatic situation]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020. Vol. 5, no. 2 (18), pp. 115–153. (In Russ.).
4. Deyneka O.S., Zabelina E.V., Vinogradov YU.V. Otnoshenie rossiyan k denezhno-kreditnoj politike do krizisa COVID-19 i na ego fone [The attitude of russians to monetary policy before the covid-19 crisis and on its background]. *Institut psikhologii Rossiiskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020. Vol. 5, no. 2 (18), pp. 189–220. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.006 (In Russ.).
5. Deyneka O.S., Maksimenko A.A. Ocenka psihologicheskogo sostoyaniya obshchestva v usloviyah infodemii posredstvom analiza social'nyh setej: obzor zarubezhnyh publikacij [The psychological state of society in infodemia by analysis of social networks: an overview of foreign publications]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie = Society. Environment. Development*, 2020, no. 2, pp. 28–39. (In Russ.).
6. Enikolopov S.N., Kaz'mina O.Yu., Vorontsova O.Yu., Medvedeva T.I., Boiko O.M. Dinamika psikhologicheskikh reaktsii na nachal'nom etape pandemii COVID-19 [Dynamics of Psychological Reactions at the Start of the Pandemic of COVID-19]. *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2020. Vol. 12, no. 2, pp. 108–126. (In Russ.).
7. Indeks strakha: men'she vsego COVID-19 boyatsya v Peterburge, na Kavkaze i v Sibiri [Elektronnyi resurs] [Fear Index: The least fear of COVID-19 is in St. Petersburg, the Caucasus and Siberia]. *Rosgosstrakh Zhizn' = Rosgosstrakh Life* 27 aprelya 2020 g. URL: <https://rgsl.ru/news/indeks-strakha-menshe-vsego-covid-19-boyatsya-v-peterburge-na-kavkaze-i-v-sibiri/> (Accessed: 20.06.2020). (In Russ.).
8. Issledovanie sotsial'nykh effektiv pandemii COVID-19 [Elektronnyi resurs] [Research on the social effects of the COVID-19 pandemic]. Svodka#12. 26.05.2020. Moscow: TsSP «Platforma», 2020. URL: <https://pltf.ru/2020/05/26/omi-i-platforma-sociologija-krizisa-3/> (Accessed: 27.05.2020). (In Russ.).
9. Kubrak T.A., Latynov V.V. Vozmozhnosti i ogranicheniya informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya v situatsii pandemii koronavirusa [Opportunities and limitations of informationpsychological influence in the situation of the coronavirus pandemi]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020. Vol. 5, no. 2 (18), pp. 84–114. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.003 (In Russ.).
10. Kovaleva Yu.V., Zhuravlev A.L. Obshchestvennoe nastroyenie i sub'ektivnost' setevogo soobshchestva v period pandemii COVID-19: na primere sotsial'noi seti Twitter [Social mood and subjectivity of network community during the pandemic covid-19: using the example of social network twitter]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020. Vol. 5, no. 2 (18), pp. 154–188. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.005 (In Russ.).
11. Nestik T.A. Vliyaniye pandemii COVID-19 na obshchestvo: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [The impact of the covid-19 pandemic on society: socio-psychological analysis]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020. Vol. 5, no. 2 (18), pp. 47–82. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002 (In Russ.).
12. Nestik T.A., Zhuravlev A.L. Psihologiya global'nyh riskov [Psychology of global risks]. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2018 (In Russ.).
13. Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. Pandemiya kak vyzov sub'ektivnomu blagopoluchiyu: trevoga i sovladanie [Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being:

- Anxiety and Coping]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no 2, pp. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205 (In Russ.).
14. Sotsiologiya pandemii. Proekt CoronaFOM [Elektronnyi resurs] [Sociology of the pandemic. CoronaFOM project]. URL: <https://covid19.fom.ru> (Accessed: 18.05.2020). (In Russ.).
15. Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. Psikhologicheskoe sodержanie trevogi i profilaktiki v situatsii infodemii: zashchita ot koronavirusa ili «porochnyi krug» trevogi? [Psychological contents of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against coronavirus or the “vicious circle” of anxiety?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2. pp. 70–89. DOI:10.17759/cpp.2020280204 (In Russ.).
16. Ushakov D.V., Yurevich A.V., Yurevich M.A. Ekspertnyj opros o psihologicheskom kontekste koronavirusnoj epidemii [Expert survey on the psychological context of the coronavirus epidemic]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020. Vol. 5, no. 2 (18), pp. 115–153. (In Russ.).
17. Fedorov V. Obschestvennyye nastroyeniya v Rossii v situatsii koronakrizisa [Elektronnyi resurs] [Public sentiment in Russia in the situation of coronavirus crisis]. VTsIOM, 2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-06-16_Lenskii_klub.pdf (Accessed: 20.06.2020). (In Russ.).
18. Fedosenko E.V. Zhizn' posle karantina: psikhologiya smyslov i koronavirus COVID-19 [Life after the quarantine: psychology of sense and coronavirus covid-19]. *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i acme = Psychological problems of the meaning of life and acme*, 2020, no. 1, pp. 34–47. (In Russ.).
19. Cherkashina A. O koping-strategiyakh vo vremena COVID-19 [Elektronnyi resurs] [Coping strategies during COVID-19]. 28 may 2020. URL: [https://www.facebook.com/anastasia.cherkashina.1/posts/2984238751630133?__cft__\[0\]=AZU5mT_4EcG8lnc6yDnei_lh2xosUMANMkLdNH0Jz0qNDfvyLHvPP6IzEqHT_y70jF4ajkdaUORRmmjGsZNH2vbBASo5AQLKv9J_dGJ1X--LqjwBoHUiWKCx3F0HKGgllg&__tn__=%2CO%2CP-R](https://www.facebook.com/anastasia.cherkashina.1/posts/2984238751630133?__cft__[0]=AZU5mT_4EcG8lnc6yDnei_lh2xosUMANMkLdNH0Jz0qNDfvyLHvPP6IzEqHT_y70jF4ajkdaUORRmmjGsZNH2vbBASo5AQLKv9J_dGJ1X--LqjwBoHUiWKCx3F0HKGgllg&__tn__=%2CO%2CP-R) (Accessed: 22.05.2020). (In Russ.).
20. Ahmed M.Z., Ahmed O., Aibao Zh., Hanbin S., Siyu L., Ahmad A. Epidemic of COVID-19 in China and associated Psychological Problems. *Asian Journal of Psychiatry*, June 2020. Vol. 51, 102092.
21. Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. Health-protective behaviour, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency. *Psychological Medicine*, 2020, pp. 1–7. DOI:10.1017/S003329172000224X
22. Alper S., Bayrak F., Yilmaz O. Psychological correlates of COVID-19 conspiracy beliefs and preventive measures: Evidence from Turkey. *Current psychology*, 2020, pp. 1–10. Advance online publication. DOI:10.1007/s12144-020-00903-0
23. Barua Z., Barua S., Aktar S., Kabir N., Li M. Effects of misinformation on COVID-19 individual responses and recommendations for resilience of disastrous consequences of misinformation. *Progress in Disaster Science*, 2020. Vol. 8, 100119 DOI:10.1016/j.pdisas.2020.100119
24. Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Preet R. Wilder-Smith A., Larson H. The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak. *Journal of Travel Medicine*, 2020. DOI:10.1093/jtm/taaa031/5775501
25. Goreis A., Voracek M. A Systematic Review and Meta-Analysis of Psychological Research on Conspiracy Beliefs: Field Characteristics, Measurement Instruments, and Associations With Personality Traits. *Frontiers in Psychology*, 2019. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00205
26. Leone L., Giacomantonio M., Lauriola M. Moral foundations, worldviews, moral absolutism and belief in conspiracy theories. *International journal of psychology*, 2019. Vol. 54, no. 2, pp. 197–204. DOI:10.1002/ijop.12459
27. Lobato E.J., Powell M., Padilla L.M., Holbrook C. Factors Predicting Willingness to Share COVID-19 Misinformation. *Frontiers in Psychology*, 2020. DOI:10.3389/fpsyg.2020.566108

28. Sternisko A., Cichocka A., Cislak A., Van Bavel J.J. Collective narcissism predicts the belief and dissemination of conspiracy theories during the COVID-19 pandemic. PREPRINT, 2020. DOI:10.31234/osf.io/4c6av
29. Šrol J., Mikušková E.B., Cavojoва V. When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic. PREPRINT, 2020. DOI:10.31234/osf.io/f9e6p
30. Sullivan D., Landau M.J., Rothschild Z.K. An existential function of enemyship: evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010. Vol. 98 (3), pp. 434–449. DOI:10.1037/a0017457
31. UN Policy Brief: COVID-19 and the need for action on mental health, 2020 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-05/UN-Policy-Brief-COVID-19-and-mental-health.pdf> (Accessed 25.07.2020).
32. van Prooijen J.W. Suspicions of Injustice: The Sense-Making Function of Belief in Conspiracy Theories. In Kals E., Maes J. (eds.). *Justice and Conflicts*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2011, pp. 121–132. DOI:10.1007/978-3-642-19035-3_7

Информация об авторах

Нестик Тимофей Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com

Дейнека Ольга Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой политической психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>, e-mail: osdeyneka@yandex.ru

Максименко Александр Александрович, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>, e-mail: Maximenko.Al@gmail.com

Information about the authors

Timofey A. Nestik, Doctor of Psychology, Professor, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com

Olga S. Deyneka, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Political Psychology, St-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>, e-mail: osdeyneka@yandex.ru

Aleksandr A. Maksimenko, Doctor of Sociology, PhD in Psychology, Associate Professor, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>, e-mail: Maximenko.Al@gmail.com

Получена 08.09.2020

Received 08.09.2020

Принята в печать 14.10.2020

Accepted 14.10.2020